

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УЧЕНИЕ С.Ф. КЕЧЕКЬЯНА О СИСТЕМЕ ПРАВА (1940–1946 гг.)

© 2010 г. Д. М. Азми¹

В настоящее время в отечественной правовой доктрине вновь наблюдается возрастание интереса к вопросу о системе права и ее структурном строении². По остроте поднимаемых вопросов и доктринальных споров, по значимости и количественно-качественному показателю попыток решения с дискуссиями о системе права могут конкурировать, пожалуй, только научные диспуты о дефиниции права. Само стремление к научному обновлению тематики системы права обусловлено целым рядом причин, среди которых можно назвать: формирование модели правовой регламентации нового, постперестроечного периода; значительное (даже чрезмерное) возрастание числа нормативных правовых актов; расширение пространственного юридического воздействия последних на взаимоотношения физических лиц (их объединений).

Потребность в дополнительной проработке вопросов системы права актуализируется наличием в “устоявшемся” учении разнотипных положений, пробельных аспектов, излишних догматизаций. Многие аспекты проблемы системы права до настоящего времени остаются нерешенными (оспоримыми).

Несмотря на трансформацию социального взаимодействия, перемену правовой политики, изменения в содержании действующего нормативного правового материала и юридической практике, появление новых доктринальных разработок, модификация учения о системе права невозможна без обращения к его историко-правовой составляющей.

В этой связи особо востребованным представляется тщательное рациональное исследование и

объективированная содержательная оценка хода и результатов первоначального (источникового) этапа формирования отечественного учения о системе права (получившего название первой дискуссии). Его принято увязывать с I Совещанием научных работников государства и права, в рамках которого была заложена фундаментальная основа отечественной доктрины системы права. Концептуальные положения таковой сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени. Этим и обусловлено специальное внимание к воззрениям С.Ф. Кечекьяна – одного из ярких представителей советского правоведения. В рамках дискуссии у ученого вышли две работы (изданные журналом “Советское государство и право” в 1940 и 1946 гг.), демонстрирующие трансформацию его взглядов.

В 1946 г., говоря о системе права с прикладных позиций, С.Ф. Кечекьян выступал за выделение трудового права в качестве самостоятельной отрасли советского социалистического права и отказывал в подобном “статусе” семейному направлению. Самостоятельность трудового права он обосновывал актуальностью и наличием специального нормативного правового акта. Особое значение в этом направлении имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений” от 26 июля 1940 г. Все это делает необходимым уделить трудовому праву особое место вне гражданского права³.

Представляется, что присутствие подразделения в праве не может объясняться наличием самостоятельного нормативного правового акта. “Построение” системы права ориентировано на выполнение направляющей и преобразующей функции в отношении нормотворчества (как общего, так и индивидуального характера). Система права должна носить *первичный характер* применительно к юридической документации, а не зависеть от таковой. Это не означает, что

¹ Советник Центра законотворчества Правительства Москвы, кандидат юридических наук.

² Только в период с 2001 по 2009 г. различные направления тематики системы права рассматривались более чем в 10 диссертационных исследованиях. См., например: *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2002; *Реутов В.П.* Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей. Дисс. ... доктора юрид. наук. Н. Новгород, 2004; *Соловьева С.Г.* Система публичных институтов муниципального права. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2005.

³ См.: К дискуссии о системе права // Сов. гос. и право. 1940. № 9. С. 200.

внутреннее подразделение позитивного права не должно учитывать и (или) отображать существующего массива норм права. Просто не стоит забывать о том, что последний носит по отношению к самой системе более *динамичный, изменчивый характер*.

Внутренне упорядоченный строевой ряд права в силу своей теоретизированности, абстрактности, обобщенности *наделен более стабильными свойствами, чем конкретные юридизированные правила поведения* и (или) отображающие их элементы юридических актов (например, статьи законов). Изменения в одной норме – правиле поведения [и (или) в одной статье закона] не приводят к трансформации системы права в целом, в то время как исключение или добавление одного из уровней компонентов внутреннего строения права (пусть это будет отрасль права) непременно скажется на комплексе юридических норм посредством их “статусного” преобразования. Но, как видится, такой элемент, как правовая норма, бытует в системе права с неизбежностью, ибо вне отдельных поведенческих правил не может существовать и их внутренней упорядоченной совокупности.

Говоря именно о трудовом праве, отметим следующее. В настоящее время Трудовой кодекс РФ включает 14 разделов, регламентирующих различные стороны трудовой деятельности, в частности социальное партнерство в сфере труда и профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников⁴. На региональном уровне эта тематика представлена даже самостоятельными законодательными актами [и (или) проектами таковых]⁵. Это, однако, не означает, что следует говорить о бытии таких отраслей права, как социально-партнерское или профессионально-подготовленческое (названия могут быть иными). И сущностная причина заключается вовсе не в наличии единого федерального законодательного акта, не в способе систематизации юридических норм, а в малой правофункциональной способности указанных нормативных образований.

⁴ См.: Трудовой кодекс РФ (в ред. от 30 декабря 2008 г.) // Росс. газ. 2001.

⁵ См., например: Закон г. Москвы “О социальном партнерстве” от 22 октября 1997 г. (в ред. от 19 мая 2004 г.) // Вестник мэрии Москвы. 1997. № 25; Распоряжение заместителя мэра Москвы в Правительстве Москвы “О создании комплексной рабочей группы по подготовке проекта Закона города Москвы “О подготовке квалифицированных рабочих кадров в городе Москве” от 10 октября 2007 г. Документ опубликован не был (Справочная правовая система “КонсультантПлюс”).

Представляется, что корреспондирующие поведенческие правила не образовали бы самостоятельных отраслей даже и в том случае, если бы располагались не в трудовом “своде законов”, а в самостоятельных общегосударственных легальных документах высшего иерархического ранга. Творение правовых положений всегда обусловлено *социальной потребностью*, а не наличием или отсутствием какой-либо юридической конструкции, в нашем случае – отрасли права.

В целом в 1940 г. С.Ф. Кечекьян *скептически относился к возможности познания системы права* в собственном смысле слова. Но в практическом аспекте он высказывался за осуществление дифференциации конкретно-исторического позитивного правового материала по предметно-методологическому критерию, т.е. (в разрез с преобладавшей в то время позицией) ученый признавал приемы и способы юридического воздействия показателем формирования отраслей правовых норм. Кроме того, он считал, что система права носит *субъективный характер*. Эта позиция также не являлась в тот период распространенной (впрочем, не превалирует она и сегодня). Еще С.Ф. Кечекьян критиковал оценку системы права в качестве константы, отмечая ее зависимость от конкретно-исторической правовой и политической среды, говоря, что той объективно данной системы права общетеоретического уровня, которая может быть познана человеческим разумом, не существует. Выявляемы лишь *субъективные системы* – плоды интеллектуальной деятельности познающего, сконструированные на основе имеющихся знаний о праве. Они носят изменчивый характер по меньшей мере потому, что зависят от своего создателя (субъекта-творца) и прошедшей, настоящей или прогнозируемой правовой среды определенного общества (группы обществ). “Нельзя исходить из представления о вечных системах, постоянных признаках деления права. Система определяется особенностями того или иного правового материала...”⁶.

Таким образом, до второй половины 40-х годов С.Ф. Кечекьян оценивал систему права общетеоретического уровня с агностических позиций. К прикладному ее пониманию он подходил с позиций субъективизма. В отношении же норм права конкретного правового порядка ученый выступал за осуществление отраслевой градации таковых по предметно-методологическому критерию.

Вскоре после завершения первой дискуссии началась Вторая мировая война. Но уже в 1946 г.

⁶ К дискуссии о системе права. С. 199.

в специальных изданиях вновь появились работы, посвященные вопросам системы права. И сам этот факт, и содержание соответствующих трудов свидетельствуют о том, что I Всесоюзное совещание научных работников права не достигло полного успеха в решении вопросов о понимании и строении системы права. Превалирующий подход трактовал указанный феномен в качестве упорядоченной группировки нормативного правового материала по отраслям права, осуществляемой, исходя из единственного классификационного критерия – предмета правового регулирования. Однако четкого понимания и механизма действия последнего выявлено не было. Неоднозначно воспринялась участниками дискуссии и идея о монистическом основании классификации правовых норм по отраслям.

Вышедшая в свет в 1946 г. работа С.Ф. Кечекьяна “О системе советского социалистического права” посвящена исследованию тех же вопросов, что “стояли на повестке дня” в рамках первого Совещания работников науки государства и права. В ее начале резюмируется, что “обсуждение вопроса о системе советского социалистического права в нашей литературе и на совещаниях, специально посвященных этому вопросу, обнаружило расхождение среди... ученых-юристов относительно исходных положений для построения системы советского права. Одни высказывались в том смысле, что систематизация норм нашего права должна производиться на основе различий в методах правового регулирования, другие же..., что... должна быть построена, исходя из различий в предмете правового регулирования, т.е. из различия в содержании правовых норм, относящихся к различным общественным отношениям”⁷.

В данном контексте следует уточнить, что лишь очень незначительное число представителей отечественного правоведения (Я.Ф. Миколенко, С.М. Потапов) предлагало систематизировать нормативный правовой материал, исходя только лишь из метода правового регулирования или отдельных его элементов (способа юридической защиты нарушенного субъективного права и зависимости его реализации исключительно от воли “пострадавших” лиц). Если же говорить о *направлениях* научной мысли, то в зависимости от отношения к юридическому методу как критерию дифференциации позитивного правового материала большинство участников дискуссии действительно можно причислить к одной из двух условно выделяемых групп. Представите-

ли первой (и преобладающей) считали предмет правового регулирования единственным систематизационным основанием, а второй, менее многочисленной, выступали за реализацию двойственного, предметно-методологического критерия. Отдельные ученые предлагали и иные, можно сказать альтернативные, показатели.

Обращаясь к рассмотрению *методов правового регулирования*, С.Ф. Кечекьян отмечал, что для любой правовой системы характерно их многообразие. Методы правовой регламентации являются юридической проекцией приемов и способов государственного управления, производны от них. Следовательно, разнообразие первых обуславливает плюрализм вторых. По словам С.Ф. Кечекьяна, “различен характер осуществляемого через посредство правовой нормы принуждения, различно... отношение... органов власти к отдельным гражданам, различна степень “автономии” и допустимой самостоятельности... Т.к. государство осуществляет свое управление через посредство права, то, поскольку различны методы государственного управления, различны также и методы правового регулирования. Обращаясь к советскому управлению, мы можем отметить известное многообразие и в его методах. Достаточно сопоставить... порядок привлечения граждан к выполнению военной обязанности и порядок ее выполнения ими – с порядком вступления в добровольные общества и выполнения обязанностей их членами...”⁸.

Вместе с тем, по мнению ученого (отличающемуся от ранее выраженной им позиции), метод правового регулирования имеет значение только *в совокупности* с предметом действия права, поскольку составляющие последний общественные отношения всегда выражаются в определенной юридической форме (элементом которой является совокупность приемов и способов юридической регламентации). *Предмет и метод правового регулирования суть два разных аспекта одного и того же явления* – общественных отношений, подверженных правовому воздействию.

Закономерность взаимодействия предмета и метода правового регулирования С.Ф. Кечекьян разъяснял и демонстрировал следующим образом: “Те или иные формы опосредования, те или иные методы правового регулирования сами включаются в экономику общества, обуславливая образование особых общественных явлений. Например, так называемое невмешательство буржуазного государства в экономическую сферу не

⁷ Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Сов. гос. и право. 1946. № 2. С. 41.

⁸ Там же.

только представляет собою метод правового регулирования отношений буржуазного общества, но и составляет самое существо общественно-экономических отношений... с характерной для капиталистического хозяйства анархией производства”⁹. Отсюда ученый делал вывод о невозможности проведения последовательной систематизации правовых норм на основании сугубо методологического критерия, а также о том, что о юридическом методе (как разграничивающем нормативный правовой материал факторе) можно говорить лишь в условном смысле. Представленные формальным критерием приемы и способы есть не что иное, как юридическая форма воздействия на социальное общение и производны от самих отношений, образующих в правовом преломлении предмет (содержание) нормативной юридической регламентации.

В этом аспекте позиция С.Ф. Кечекьяна напоминает воззрения М.М. Агаркова и М.С. Строговича, также полагавших, что значения метода правового регулирования недостаточно для признания основанием систематизации положительного правового материала.

Не оспаривая наличия в рассуждениях С.Ф. Кечекьяна обоснованных элементов, еще раз обратим внимание на абсолютизацию самого используемого им посыла. Метод правовой регламентации не получил широкого последовательного проведения в качестве единственного возможного показателя классификации нормативной юридической материи.

Вместе с тем высказывания ученого о предмете и методе правового регулирования, об их соотношении и взаимодействии демонстрируют преемственность его принадлежности к числу сторонников именно отраслевой концепции правового строения.

С.Ф. Кечекьян отмечал, что для решения вопроса о системе права необходимо определить понятие предмета правового регулирования и выявить применительно к нему надлежащую интерпретацию системы права. При такой постановке вопроса не критерий дефинируется по отношению к теме (т.е. предмет правового регулирования по отношению к системе права), а наоборот, тема определяется в зависимости от критерия. Здесь имеет место быть *ненадлежащая связь причины и следствия*. Более верным представляется первоочередное определение самого явления, а затем уже его классифицирующих оснований и составляющих: ведь перед тем как выявлять, по какому

принципу разделять [и (или) объединять], необходимо знать, что именно мы планируем дифференцировать [и (или) интегрировать].

Несмотря на это, С.Ф. Кечекьян предложил *понимать систему права* как построенный по предметному критерию способ строения имеющих юридическое значение поведенческих предписаний, ориентированный на упорядоченность содержания права, на организованное отображение общественных отношений; как внутренне скоординированную общность правовых норм, *исчерпывающим образом представляющих действующий нормативный правовой материал в рамках заданной правовой среды*. О целевой направленности систем права других концептуальных подходов ученый не говорил, хотя из контекста его рассуждений о частном и публичном праве выводится, что все они “ориентированы” лишь на юридическую форму.

Далее С.Ф. Кечекьян писал, что “в ходе исторического развития... отношения меняются, но в каждый данный момент они представляют собою некоторое законченное целое, будучи проникнуты единством принципов, лежащих в их основе”¹⁰. Отсюда вытекает, что общественное взаимодействие осуществляется на основе ряда определяющих начал, на базе неких *социальных основоположений*. Последние, по мнению ученого, непременно должны находить свое *отражение в нормах позитивного права*.

Тут усматривается предпосылка разделяемого нами учения о влиянии *принципов права* на систему права, впервые нашедшую свое последовательное воплощение несколько позже — уже во второй половине XX в.¹¹ В настоящее время большинство ученых-юристов признают принципы права в качестве системного показателя его строевого ряда. Именно “принципный” элемент представляется одним из наиболее ценных и интересных аспектов теории С.Ф. Кечекьяна.

Значение принципов усматривается в том, что любое социальное общение, в том числе и правового характера, всегда *должно базироваться на каких-либо исходных, основных, базисных, фунда-*

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ См., например: Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Сов. гос. и право. 1956. № 8; Петров Д.И. Отрасль права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 7; Курдюк Г.П. Отрасль права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 79, 80; Волкогон Т.А. Система права в условиях обновляющегося общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2006. С. 78; Макеева Е.М. Система права Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. С. 71.

⁹ Там же.

ментальных *положениях*. Без них общественное взаимодействие будет своего рода “*безыдейным*”, хаотичным, нерегулируемым. Это (в конечном итоге) способно вызвать *деструктивную деформацию* общества¹². Поэтому объективированный правовой материал должен учитывать “*принципиальные*” положения в контексте надлежащего качества своего воздействия.

Представляется, что социальные принципы по своему составу *не являются равнозначимыми* (одноуровневыми, однородными). Некоторые из них имеют фундаментальное значение, так как распространяются на *все* без исключения сферы общественной жизни. Таково, например, положение о справедливом общении. Другие действуют лишь в отдельных или смежных, отраслевых или специальных областях социального взаимодействия. В рамках правового пласта последние именуются *принципами права*, т.е. его основополагающими началами. Отображенные в соответствующем юридическом материале принципы права (или основоположения, отнесенные к числу таковых нормотворцем) образуют *принципы законодательства*. Например, социальный принцип справедливого общения трансформируется в правовой среде в общеюридический принцип справедливости.

Сообразно более мелким срезам основоположений социального взаимодействия выделяются *межотраслевые и отраслевые принципы права* [и (или) законодательства]. Действующим в нескольких правовых областях является, в частности, такое процессуально-правовое правило, как: никто не может быть судьей в собственном деле или в том деле, в котором он заинтересован. Для демонстрации правоположения второго (отраслевого) порядка можно указать на необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав как основное начало гражданского законодательства.

Подтвердив приверженность выработанному в ходе первой дискуссии подходу и изменив воззрения в части признания метода правового регулирования формирующим отрасль права фактором, С.Ф. Кечежян перешел к рассмотрению весьма “*болезненного*” для советской юриспруденции (в контексте тематики системы права) вопроса о верности и обоснованности *дуалистической концепции права*.

Выделяемые в ее рамках семьи отраслей права ученый трактовал как основополагающие ме-

тоды юридического воздействия на социальные отношения, исходя при этом из того, что частное право и публичное право адекватно отображают градацию поведенческой направленности юридических субъектов. В капиталистических правовых порядках частное право и публичное право охватывают самые разнообразные сектора общественной жизни. Первое из названных характеризовалось С.Ф. Кечежяном как “*освобожденная от политического руководства “частная” деятельность собственников*”, а второе - как “*политическая организация*”¹³.

Отметим, что воспринимать частное и публичное право лишь в качестве методов правовой регламентации, по нашему мнению, неверно, ибо при этом сужается правовое значение данных категорий. Названные семьи отраслей права – это крупные правовые образования, правовые пласты, включающие в себя *не только формальные, но и содержательные компоненты*. Другое дело, что обeim “ветвям” права действительно корреспондируют *определенные наборы способов и приемов правовой регламентации*. Так, для “ветви” частного права преобладающим считается диспозитивный, а для “ветви” публичного – императивный метод юридико-упорядочивающего воздействия. Причем здесь можно говорить именно и *только о превалировании (преобладании)*: демократизация и интернационализация государственно-организованной общественной жизни характеризуются *возрастанием диспозитивного метода в сфере публичного права*, а стремление большинства государств стать (или продолжать быть) социальными приводит к *увеличению императивности в частном секторе* интересующего нас явления. Примером первого порядка может служить такое проявление диспозитивности в российском *уголовном праве*, как необходимость согласия руководителя организации на привлечение к соответствующему виду юридической ответственности ее сотрудника (при условии, что последний совершил общественно-опасное деяние, предусмотренное гл. 23 действующего уголовного закона, и таковое не причинило вреда иным субъектам права). Примером второго порядка у нас может служить институт публичного договора в *гражданском праве*¹⁴.

¹³ Кечежян С.Ф. Указ. соч. С. 42.

¹⁴ См.: Уголовный кодекс РФ (в ред. от 11 июня 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 и постановление Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе” от 10 февраля 2000 г. (в ред. от 6 февраля 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4; а также, например: ч. 2 ст. 492; ч. 3 ст. 626; ч. 2 ст. 730; ч. 2

¹² См. об этом: Азми Д.М. Э. Фромм о позитивных и негативных аспектах современной демократии // Гос. и право. 2002. № 5. С. 103-107.

Интересно, что в этимологическом аспекте в переводе с латинского слово “dispositio” означает расположение. Данный термин используется во многих областях человеческой жизнедеятельности. Диспозицией в юриспруденции именуется тот элемент правовой нормы, в котором отображается непосредственно само нормативно регламентируемое поведенческое правило, т.е. расположено основное содержание правовой нормы. В этом контексте *употребление термина “диспозитивный” для наименования одного из методов правовой регламентации представляется (со смысловых позиций) неясным*. Иное дело в отношении императивного метода. Здесь наблюдается соответствие наименования смысловому наполнению. Достаточно для примера указать на то, что императивом в лингвистике именуется повелительное наклонение, а в философии – категорическое, безусловное требование. Есть и другие значения термина “императив” (imperativus), в том числе и юридическое. Но все они связаны с повелительностью, категоричностью, требовательностью и властью.

Возвращаясь ко взглядам С.Ф. Кечекьяна, отметим, что, следуя традиционному для рассматриваемого исторического периода подходу, он *отвергал относимость к советскому правопорядку двойственной теории структуры системы права*. Свое видение ученый обуславливал слиянием гражданского общества и политической системы, экономического и общественно-государственного управления. Отсутствие разграничения между личными (частными) и общественными (публичными) интересами свидетельствует о том, что в советской правовой системе частного права нет. Следовательно, «в широком смысле все наше право – публичное. Преобразование общества, которое произвела Великая Октябрьская социалистическая революция, привело к уничтожению “частного” права»¹⁵.

Исходя из отсутствия дуализма в советском праве и трактуя частное и публичное право как методы правового воздействия на общественные отношения, С.Ф. Кечекьян вновь акцентировал внимание на невозможности рассматривать приемы и способы правового регулирования в качестве ведущих оснований систематизированного построения отечественного нормативного правового материала. Мы, в свою очередь, еще

раз скажем, что данный вывод не вполне последователен. И дело не в отсутствии признания за методологическим показателем определяющего значения, а в рассмотрении частного и публичного права *сузубо* как совокупности приемов и способов правового воздействия на социум. Частное право и публичное право являются такими компонентами, которые отображают: 1) сущностное и 2) принципиальное содержание права (как собственно-нормативного, так и непосредственно поведенческого свойства), 3) интересы субъектов социально-правового общения, 4) цель, а также 5) способы и приемы юридической регламентации, т.е. методы правового регулирования являются здесь далеко не единственными аспектами, поэтому нельзя сводить “ветви” дуалистического строения лишь к ним.

Тем не менее, исходя именно из указанного понимания, С.Ф. Кечекьян констатировал: “...деление советского права по методу регулирования следует отбросить, т.к. оно приводит, во-первых, к выделению в качестве основной области такого правового материала, который не имеет основоположного значения в системе советского социалистического права, и, во-вторых, к невозможности установить сколь-нибудь четкие границы между отдельными областями права”¹⁶. Поэтому рассматривать стоит лишь вопрос о предмете правового регулирования.

К сожалению, не развивая идеи о влиянии принципов права на его систему, иных аспектов “общей части” своего учения, С.Ф. Кечекьян перешел к рассуждениям об отдельных отраслях позитивно-правовой ткани. Таковых он выделял *десять*: 1) государственное право; 2) административное право; 3) гражданское право; 4) земельное право; 5) финансовое право; 6) колхозное право; 7) трудовое право; 8) уголовное право; 9) семейное право и 10) судебное право.

Без учета деталей данный перечень совпадает с теми, которые были предложены А.Я. Вышинским в 1938 и 1939 гг. По сравнению со “списком” 1938 г., отраслевой “набор” С.Ф. Кечекьяна несколько расширен посредством указания на семейное и финансовое право. Что же касается перечисления 1939 г., то если А.Я. Вышинский земельное право из него “вычеркнул”, то С.Ф. Кечекьян – нет. И еще. Первый ученый употреблял термин “бюджетно-финансовое право”, а второй говорил просто о финансовом праве. Содержательной разницы здесь, однако, не присутствовало. По сравнению с такими участниками дискуссии, как М.А. Аржанов и М.С. Строгович, у С.Ф. Кечекьяна перечень

ст. 789; ч. 2 ст. 834; ч. 2 ст. 908; ч. 1 ст. 919; ч. 1 ст. 923; ч. 1 ст. 927 Гражданского кодекса РФ (Часть вторая) (в ред. от 30 декабря 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁵ Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 44.

отраслей права шире за счет причисления к указанным правовым образованиям земельного и финансового и, соответственно, только финансового права. В целом же до начала второй дискуссии о системе советского социалистического права представителям отечественной юридической науки было присуще *единообразное* (по сравнению с текущим временным периодом) *видение “номенклатурного” состава отраслей права.*

Специальной оценке в 1946 г. С.Ф. Кечекьян подверг отрасли *государственного, гражданско-го и в соотношении с ними административного права.*

Основные принципы советского политического общества отражены по указанию ученого в *государственном праве*, которое выступает своеобразным “ориентирующим трамплином” для всего остального объективного права. “В нормах советского государственного права выражены принципы организации советского государства и закреплены основные принципы нашего общественного строя. Этим определяется особое отношение нашего государственного права, которое как бы открывает систему советского социалистического права и подготавливает систематику всего остального правового материала”¹⁷.

Здесь заслуживает внимания позиция о *ведущей роли* государственных (а по устоявшейся к настоящему моменту в России терминологии - конституционных) норм в системе права, получившая очень широкое распространение в отечественной правовой доктрине. Но, как представляется, еще больший положительный интерес вызывает *предпосылка* понимания конституционного (государственного) права как специальной основы всей юридической ткани (даже с учетом того, что в концепции ученого она содержится лишь в крайне малом проявлении). Кроме того, представленное высказывание наглядно демонстрирует, что в рассматриваемый нами временной период, т.е. на этапе “первоначальной” коллегиальной проработки темы, систему права было принято отождествлять с систематикой нормативных юридических актов.

Гражданское право характеризовалось С.Ф. Кечекьяном посредством *административного*, т.е. сравнительно-остаточным способом. “Право, регулирующее управление, – административное право, – охватывает значительную часть, но далеко не весь круг экономических отношений. Отношения обмена – оборота – остаются за пределами воздействия административного права и составляют область отношений гражданского права...”

Не все имущественные отношения составляют предмет регулирования гражданского права. В социалистическом обществе имущественные отношения в значительной мере составляют предмет... административного права. Гражданское право охватывает лишь часть имущественных отношений – отношения социалистического обмена, сферу эквивалентного обращения товаров. Поэтому было бы неправильно относить к области гражданского права всю область имущественных правоотношений, совершенно исключая их из области административного права. Несомненно, что область государственного управления также простирается на имущественные отношения, она охватывает планирование и регулирование народного хозяйства, определяет положение государственной собственности, поступление в государственную казну налогов... Делались попытки охватить эти отношения понятием “организационных” и противопоставить их отношениям имущественным. Однако такое противопоставление не может быть оправданным. Трудно отрицать, что административная деятельность государства, являясь организующей деятельностью, в то же время направлена в известной части на имущественные отношения и имеет своим предметом именно эти отношения. Нужно брать понятие имущественных отношений в совершенно искусственном и условном значении, чтобы можно было противопоставить их организационным”¹⁸.

Недостаток определения гражданского и административного права С.Ф. Кечекьяна заключается в сведении предметного действия таковых к *имущественным* отношениям.

На самом деле к предмету гражданского права помимо имущественных принято относить также и *личные неимущественные* отношения; а к предмету права административного – различные *управленческие* отношения и отношения, связанные с рассмотрением дел о защите прав и свобод лиц от поведения органов публичного управления, нарушающего их права и свободы¹⁹. И если

¹⁸ Там же. С. 46-47.

¹⁹ О предмете административного права см., например: Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Гос. и право. 1997. № 11. С. 14-21; Его же. О системе административного права // Гос. и право. 1998. № 3. С. 5-11; Вишняков В.Г. К вопросу о предмете административного права // Административное право. М., 2002. С. 49-57; Бахрах Д.Н. О предмете административного права России // Гос. и право. 2003. № 10. С. 31-38; Россинский Б.В. О предмете и системе административного права // Административное право. М., 2002. С. 40-49; Печеницын В.А. О предмете и системе административного права. Система права и его отдельных отраслей. Омск, 2002. С. 126-139.

¹⁷ Там же. С. 45.

характеристика С.Ф. Кечекьяна не отрицает не исчерпанности имущественными отношениями административного права, то в отношении права гражданского ситуация иная.

Подводя итоги, С.Ф. Кечекьян констатировал, что *совокупность отраслей права образует систему права*. В обоснование этого положения ученый говорил, что “каждой отрасли общественных отношений, о которых шла речь, соответствует особая отрасль права. Следовательно, один и тот же круг правоотношений не может оказаться одновременно в двух различных отраслях права и обсуждаться согласно различным правовым принципам. Социалистическому праву, проникнутому единством своих основных принципов, чужды внутренние противоречия. Правильно распределяя правовой материал в соответствии с различиями в содержании регулируемых общественных отношений, можно быть уверенным в том, что вся совокупность правовых отношений и правовых норм окажется внутренне согласованным единством – системой. Утвердительно должен быть решен также и вопрос о том, исчерпывают ли собою названные выше отрасли весь наличный круг правовых отношений”²⁰.

Следует отметить, что ближе к концу XX столетия определенное распространение в юридической науке получили и концепция межотраслевых правовых институтов, и идеи о так называемых комплексных отраслях права. Очень активно вопрос об их наличии обсуждался в 80-х годах. Это еще раз подчеркивает *фундаментальное значение* правовых позиций, выраженных в рамках первой отечественной дискуссии для последующей разработки вопроса о системе права и ее структурном строении.

Вместе с тем, при осмыслении высказывания С.Ф. Кечекьяна возникает вопрос: всегда ли совокупность отраслей права образует систему права или же указанное выше утверждение верно только для упорядоченности, не содержащей внутренних противоречий? Ведь *простая суммативная совокупность вовсе не влечет за собой структурного порядка*.

В свою очередь, суждение о том, что один и тот же набор правовых отношений не может подпадать одновременно под действие различных принципов и отраслей права (помимо своей гносеологической оспоримости) *не находит поддержки* и в социально-юридической онтологии, так как целостный поведенческий комплекс отно-

шений по оказанию *образовательных* услуг, возникающих между высшим учебным заведением и обучающимися, регламентируется не только нормами образовательного, но и положениями “собственно-административного”, гражданского, а в ряде случаев и иных (к примеру, так называемого военного, или служебного, или трудового) юридических правило-поведенческих образований, в случае нескоординированности которых проявляются различные пороки правового нормирования (пробельного, коллизионного, или конкурентного типов). На самом деле, содержание правового отношения “ограничивается” рамками исключительно одной отрасли права (и то в случае четкой определенности ее предмета) только в “простейших” случаях.

В свою очередь, вопрос о *юридической природе*, о правовой сущности такого общественного отношения будет решаться, как видится, противоположным образом. В настоящее время образовательное право рассматривают или 1) в качестве *самостоятельной* правовой отрасли, или 2) как часть *гражданского* права, или как часть 3) *административного* права²¹. Последняя из позиций мыслится наиболее удобоваримой, так как *сущность образовательных отношений* базируется на управлении (что свойственно для административного блока) и в своей “коренной” (собственно обученческой) части не содержит основательной частноправовой природы.

Завершая настоящую работу, отметим, что учение С.Ф. Кечекьяна о системе права отличалось рядом новых, или “нетипичных” для своего времени положений. В сформированном (предпосылочном) варианте оно содержало позиции, до сих пор не утратившие своей научно-практической ценности.

В числе таковых хотелось бы отметить идеи ученого: 1) об обусловленности факта существования отраслевых правовых образований социальными интересами и потребностями; 2) о взаимосвязи предмета и метода правового регулирования; 3) о предопределенности юридических приемов и способов содержанием правового воздействия; 4) о том, что методы юридической регламентации являются специальной, профильной проекцией совокупности приемов и способов государственного управления; 5) о системообразующем значении принципов права; 6) о “главенствующем”

²⁰ Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 50.

²¹ См., например: Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права. М., 2000; Александрова Л.Б. Образовательное право России: становление и развитие в условиях реформ. Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

положении конституционных (государственных) норм в системах права национального уровня; 7) о невозможности существования в системе самого права комплексных образований (например, отраслей). Интересной представляется и изначально выражаемое ученым скептическое отношение к вопросу о возможности познания системы права (в собственном значении).

Вместе с тем учение С.Ф. Кечекьяна, по нашему мнению, включает и некоторые спорные, не нашедшие убедительной аргументации положения. Речь идет о выводах относительно: 1) необходимости определения системы права, исходя из избранного критерия, а не наоборот; 2) констатирования правовой отрасли в случае наличия обособленного нормативного правового акта;

3) исчерпанности “номенклатурного состава” отраслей правовых норм; 4) того, что система права может представлять собой не только внутренне упорядоченную, но и простую суммативную совокупность юридико-значимых поведенческих правил; 5) предметного действия гражданского права (не учитывающего всех юридико-содержательных проявлений данной области); 6) отсутствия комплексной законодательной (и подзаконной) регламентации; 7) неверности дуалистической структуры системы права (ввиду рассмотрения частного и публичного права сугубо в качестве методов юридической регламентации социального взаимодействия); 8) рассмотрения частного права лишь в контексте частнособственнических отношений.